

8. Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / под общ. ред. И.Г. Дубова. – М., 1997. – С.11.

9. Ментальность россиян. Специфика сознания больших групп населения России – М.: Психологический ин-т РАН, 1997. – С.10.

10. Российская цивилизация. Этнокультурные и духов-

ные аспекты: энцикл. словарь. – М.: Республика, 2001. – С.190.

Монгуш Салбак Онер-Ооловна, аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета.

Mongush Salbak Oner-Oolovna, post-graduate student of department of philosophy of Buryat State University.

УДК 312. 01

А.А. Никифоров

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЛАСТИ

В статье рассматриваются современные российские и зарубежные представления о социальной власти. Понятие власти считается важнейшим, ключевым в понятийно-категориальном аппарате и философии политики, и политологии, а используется практически во всем общественном знании. Приводится далеко не полный перечень тех исследователей, которые занимаются данной тематикой.

Ключевые слова: власть, концепции власти, властные отношения, субъект власти, политические отношения.

А.А. Nikiforov

SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF FORMATION OF AN IMAGE OF THE POLITICAL POWER: MODERN INTERPRETATION OF POWER

This article considers modern Russian and foreign representations of social power. The concept of the power is considered as the major and as the key moment in conceptual-categorical device and in philosophy of a policy, and political science. It is used practically in all social sciences. Not the full list of the researchers engaged in this subject is given.

Key words: the power, power concepts, imperious relations, power relations, the subject of the power, political relations.

Научные представления о власти имеют не меньшую историю, чем сама социальная наука. Понятие власти считается важнейшим, ключевым в понятийно-категориальном аппарате и философии политики, и политологии, а используется оно практически во всем общественном знании. Однако, несмотря на то, что в течение многих веков осуществлялись фундаментальные исследования, в которых освещены очень многие проблемы власти, теоретические споры о сущности этого феномена не затухают.

Прежде всего следует коснуться представлений о власти в трудах отечественных исследователей 70-80-х гг. Они работали в жестких идеологических условиях, однако теоретические результаты их исследований представляют значительную ценность для современных социально-философских и политических концепций власти.

В советской литературе двух указанных десятилетий власть трактовалась далеко не однозначно (как, впрочем, и сейчас). Все имевшие место в то время концепции можно условно разделить на три группы:

1) власть – способность индивида, группы или всего общества подчинять своей воле поведение и деятельность людей [1];

2) власть – волевое социальное отношение, характер которого обусловлен доминирующей волей одной из сторон данного взаимодействия, осуществляемой с помощью специальных властных методов [2];

3) власть – функция любого коллектива по ру-

ководству [3].

Не вызывает сомнений, что каждое из представленных в литературе определений отражало существенные характеристики власти, однако не полно, поскольку объективно невозможно всестороннее отражение в дефиниции такого социального феномена, как власть. Пожалуй, наибольшая трудность в трактовке власти заключается в определении ее связей с социальными отношениями.

Н.М. Кейзеров, работы которого являются, несомненно, весьма существенным вкладом в развитие теории политики, трактует власть следующим образом: "Власть есть присущее обществу и определяемое его базисом волевое отношение между людьми (а в классовом обществе – между классами), при котором применение ее носителем особой системы средств и методов обеспечивает выявление и доминирование властной воли посредством общественной организации в целях управления и обеспечения соблюдения социальных норм на основе принципа социальной ответственности" [4].

Прежде всего, если носитель властной воли применяет особую систему средств и методов, то властная воля уже выявлена и уже доминирует. Но это не главное. Из-за нечеткости в определении источника власти в приведенном рассуждении проявляется и нечеткость в определении ее субъектов. Простое указание на то, что в классовом обществе властеотношения есть отношения между классами, не проясняет этого вопроса, тем более что в этой же работе автор замечает: "Сейчас власть проявляется в массе общественных организаций и нередко

выступает в анонимной форме".

В целом складывается впечатление, что основополагающим признаком власти Н.М. Кейзеров считает сам процесс применения "особой системы средств и методов" (поскольку в зависимости от этого процесса ставится "выявление и доминирование властной воли"), выводя отсюда понимание субъектов власти.

Сведение сущности власти к функционированию властных органов – не редкость в советской литературе 70- 80-х гг. В частности, подобная трактовка рассматриваемого понятия наиболее рельефно выражена И.М. Степановым, который основными свойствами власти считает совокупную волю и материальную силу.

Весьма своеобразно в рассматриваемом аспекте понимание власти Т.Н. Семеновой. Не давая дефиниции как таковой, она выделяет шесть основных моментов власти: властная воля; носитель властной воли; подвластная воля; носитель подвластной воли; "...пятым основным моментом комплекса власти является отношение между властной волей (и соответственно ее носителем) и подвластными волями (и соответственно ее носителями), состоящее в том, что первая определяет, детерминирует вторые"; средства для навязывания властной воли [5].

Прежде всего социальное отношение может иметь место не между "волями", по-видимому, а между социальными субъектами, обладающими волей. Навязывать волю можно также не "подвластными волям", а социальным субъектам, обладающим волей, то есть объектам власти.

Заслуживает внимания характеристика власти, которую дал Г.П. Орлов (хотя она весьма сходна с предыдущей): "Понятие "социальное регулирование" означает порядок как существенный момент способа производства, всей социальной жизни... Но социальное регулирование и есть власть в самом широком и точном значении этого слова... Регулирование осуществляется людьми, оно есть не что иное, как навязывание воли другой воле. Эта "другая" обусловлена властной волей. Значит, власть есть отношение между властной волей и подвластной волей. В узком и точном значении власть и есть это отношение (регулирование)". Здесь власть определяется как регулирование и в "широком и точном" значении слова, и в "узком и точном" его значении. Но в этом случае требуется дополнительная аргументация того, что понятие власти вообще имеет смысл в научном аппарате, то есть необходимо, ибо характеризуется оно как синоним понятия "регулирование".

Далее Г.П. Орлов подчеркивает, что как социальный феномен власть представляет собой социальное отношение. В структуре власти автор выделяет те же шесть основных компонентов, которые рассматриваются у Т.Н. Семеновой: властная воля, носитель властной воли, подвластная воля и ее носитель, отношение между властной волей и подвластной волей, а также средства, "при помощи

которых властная воля детерминирует подвластную волю". Интересно следующее замечание автора: "Если регулирование выражается в подчинении общества частному интересу (классу или отдельному лицу), мы имеем дело с господством и подчинением, то есть с политической властью. Регулирование – всегда содержание, а политическая власть – его историческая форма".

Несомненно, соотносить власть и социальное регулирование совершенно необходимо в научном исследовании. Всякая власть теряет смысл, если она существует вне связи с социальным регулированием. Однако в приведенной характеристике экономическая и классовая основы власти не освещены, не выведены, хотя Г.П. Орлов подчеркивает, что "политика, в сущности, раскрывает связь типа: класс–интерес–власть". Последнее замечание отражает сущность политики, на мой взгляд, но этот вывод не обоснован в характеристике власти как регулирования. Более того, само социальное регулирование, выступающее содержанием в отношении власти как его формы, представлено таким образом, будто свою причину и источник движения оно имеет в самом себе, вне связи с обществом и классами. Поэтому неясно содержание отношения между властной волей и подвластной волей (или предмет этого отношения). Это отношение, напомним, Г.П. Орлов называет властью "в узком и точном" смысле [6].

Позиция Г.П. Орлова по вопросу о соотношении власти и регулирования, характеристике власти и политики, по-моему, требует уточнений. Необходима специальная "расшифровка" и таких выражений, как "в самом широком и точном значении" и "в самом узком и точном значении".

Еще один пример – определение социальной власти, которое дано А.И. Куфтыревым: "Власть – явление общесоциологическое (общей историческое), присущее всем народам и во все времена. Можно сказать, что власть – это полномочия (личности, органа, организации, предоставленные или узурпированные, подкрепленные механизмом, обеспечивающим выполнение властных велений) на право осуществлять управление той или другой социальной общностью в целом или какой-то ее частью. Орган власти – личность, организация, располагающая властными полномочиями" [7]. Это определение весьма оригинально и настолько своеобразно, что совсем не просто отнести его к какой-либо из трех групп в моей классификации определений власти. В этой дефиниции отражена важнейшая сторона сущности социальной власти – связь с управлением. Более того, власть трактуется как основа и условие осуществления управления в обществе. Но и здесь возникает тот же, по сути дела, комплекс вопросов: кем делегированы властные полномочия субъекту власти? Какой социальный субъект и на каком основании уполномочил субъекта власти управлять? От чьего имени и в чьих интересах управляет субъект власти? Даже если

определение А.И. Куфтырева считать характеризующим какой-либо конкретный вид власти (политическую, идеологическую и т.п.), то и в этом случае ответить на поставленные вопросы, исходя из содержания данного определения, достаточно трудно, так как не отражена субстанция социальной власти.

Исходя из посылок, которые имеют место в приведенных выше примерах, вскрыть сущность обычно выступающей в "анонимной форме" власти и различить ее реальных субъектов без логических "натяжек" невозможно. Конечно, общее определение не может отразить все богатство конкретики, но его задача – "высветить" сущность предмета исследования. Анализируемые определения не позволяют вскрыть органическую связь власти с исторически определенными формами социальных отношений и социальными общностями (классами).

Если не вскрыта связь власти с основными ресурсами социума, прежде всего с собственностью, а также с классами, то выявление субъектов власти (при логической последовательности авторов соответствующих точек зрения) с необходимостью будет неопределенным, логически не доказанным, поскольку без учета этой связи нельзя рассматривать, в частности, собственность как объективный критерий для определения субъекта власти и отличия последнего от органа или орудия власти. То есть в этом случае определение субъекта не может не быть в значительной степени произвольным.

Все западные представления о власти можно условно разделить на два больших класса: 1) трактовка власти как имманентного некоему субъекту атрибута и 2) понимание власти как социального отношения. Внутри этих классов представлены самые разные и весьма многочисленные концепции.

Прежде всего следует отметить так называемые волевые теории, в которых власть трактуется как способность (возможность) одного субъекта навязывать свою волю другим субъектам. Несмотря на то, что в разных теориях субстанции власти совершенно различны (Вебер, Гегель, Даль, Маркс), общим качеством для них выступает властная воля, которая может быть "продиктована" субъектом власти. Так, Р. Даль трактует власть как способность одного человека принудить другого делать то, что сам по себе этот другой делать бы не стал. М. Вебер рассматривал власть как "любую возможность проводить внутри данных общественных отношений собственную волю, даже вопреки сопротивлению, вне зависимости от того, на чем такая возможность основана". Дефиниция М. Вебера считается классической и широко используется в современных теориях власти.

Рядом с волевыми стоят инструменталистские теории, выдвигающие на первое место средства, способы, методы властвования. Эта точка зрения разрабатывалась уже в трудах Т. Гоббса и Н. Макиавелли, а в современных теориях представлена прежде всего Чикагской школой политической

науки (Д. Кэтлин, И. Мэрридж и др.).

Очень широкое распространение получили структурно-функциональные теории, в соответствии с которыми власть представляет собой имманентное социальной системе интегративное качество, функцией которого является обеспечение целостности системы, рационального взаимодействия всех ее элементов. Власть представлена как атрибут макросистемы, способный учитывать интересы микросистем и посредством особых властных ресурсов обеспечивать стабильность социума. Эта концепция развита более всего в работах Г. Алмонда, Д. Истона, Т. Парсонса.

Понимание власти как социального отношения представлено в первую очередь в бихевиористских теориях, которые на первый план выдвигают поведенческий аспект (Д. Трумэн), причем воздействие властвующей подсистемы на поведение подвластных может быть основано на самых различных факторах. Так, Х. Ортега-и-Гассет важнейшим из таких факторов называл общественное мнение. Б. Рассел полагал, что власть как особый вид деятельности достигает своих целей в значительной мере путем воздействия на сознание и эмоции людей.

Очень интересна и своеобразна позиция М. Дюверже, который анализирует социокультурный аспект власти: "Власть не просто материальный факт, "вещь", как сказал бы Дюркгейм: она глубоко проникнута идеями, верованиями, коллективными представлениями. То, что люди думают о власти, является одной из ее фундаментальных основ.

Достаточно авторитетна в научных кругах модель О. Тоффлера, который выводит три важнейших фактора власти: силу, богатство и знание, причем доминирование каждого из этих факторов связано с различными историческими эпохами и различными социальными системами. Развитие цивилизации ведет к тому, по Тоффлеру, что важнейшим основанием властвования станет не сила принуждения, а сила знания.

Следует отметить, что западные теории в подавляющем большинстве своем не решают задачи исследования власти с позиций философии. Как правило, это подход с точки зрения общей и сравнительной политологии, а также общей социологии. Более того, в западных теориях явно доминирует функционально-инструменталистский "уклон" в понимании власти, в силу чего на первый план выдвигаются соответствующие аспекты. Власть понимается как господство, форма влияния, вид управления мотивацией и целеполаганием, взаимодействие социальных субъектов и т.д. [8]

Отечественные политологические исследования явно отстали от западных как в плане общей, так и сравнительной политологии. Однако с начала 90-х гг. опубликовано большое количество монографий и статей по проблемам власти и политики. Среди них есть в высшей степени интересные и оригинальные работы, полезность которых для отечественной науки несомненна. Примером может быть

монография "Философия власти", которая открывает восьмитомную серию под общим названием "Теоретическая политология: мир России и Россия в мире".

Вместе с тем почти все отечественные исследования посвящены политической власти в политологическом понимании последней. Обобщения на уровне социальной философии – исключительно редкое явление. Нетрудно понять причины этого: политологии в современном понимании этой науки у нас просто не было.

В отечественной литературе, как и в зарубежной, социальная власть трактуется далеко не однозначно. Если не задаваться целью подробного разбора каждой из имеющихся точек зрения, то их условно можно разделить на несколько групп. Власть определяется как способность индивида, группы или всего общества подчинять своей воле поведение и деятельность людей. Например, К.С. Гаджиев полагает, что власть есть "способность ее субъекта ... навязывать свою волю другим людям, распоряжаться и управлять их действиями, будь то насильственными или ненасильственными средствами и методами". Власть определяют как волевое социальное отношение, характер которого обусловлен доминирующей волей одной из сторон данного взаимодействия, осуществляемой с помощью специальных властных методов. Нередко власть понимается как функция любого коллектива по руководству. "Власть – исключительная функция политической системы управлять в пределах своей специфической области". Иногда власть рассматривается как социальный институт. "Власть в общем виде понимается как социальный институт, посредством которого реализуется влияние социальных субъектов друг на друга на основе зависимости".

Несомненно, каждое из имеющихся в литературе определений отражает отдельные существенные характеристики власти. Однако объективно невозможно всестороннее отражение в дефиниции такого сложного явления, как власть. Слишком многогранно и многоаспектно это явление. Тем не менее несмотря на всю сложность проблемы представляется возможным выделить и охарактеризовать некоторые моменты, отражающие сущность власти.

Во всех имеющихся в литературе (и советской, и современной российской, и зарубежной) трактовках не всегда достаточно четко раскрывается связь власти с исторически определенной системой социальных отношений. Если, например, определять власть как способность субъекта навязывать свою волю, то возникает вопрос: чем обусловлена, на каких факторах основана эта способность, какова ее связь с реальными взаимоотношениями людей? Без ответа на этот вопрос власть может быть понята как нечто чисто субъективное, даже "волюнтаристское", детерминированное пресловутой "свободой воли" властвующего индивида или общности, тем более что подчеркивается ее волевой характер, Именно так и понимается власть в некото-

рых концепциях. Например, Ч. Мерриам усматривает политическую власть и политическую реальность (точнее, их сущность) в субъективных факторах. У Б. Рассела находим утверждение, что причиной всех исторических действий и событий является любовь к власти, а сущность самой власти и властных отношений может быть выведена непосредственно из психологических характеристик личности. "Характер одних заставляет их всегда командовать, других – подчиняться".

Нередко в литературе имеет место соотнесение понятия власти с понятием социального регулирования, что представляется вполне обоснованным и необходимым для раскрытия сущности рассматриваемых явлений. Как уже отмечалось, любая социальная власть утрачивает смысл, если в обществе нет по крайней мере минимальной урегулированности общественных отношений, необходимой для функционирования социального организма как целого. В этом случае нет и самого общества. С другой стороны, бессмысленно регулирование, принципиально не соответствующее интересам и воле субъекта власти. Но и при таком подходе (соотнесение власти и регулирования) остается открытым вопрос об источнике власти, о содержании (предмете) отношений между властвующими и подвластными.

Кроме указанных, есть и другие возражения по существу трактовки власти в литературе. Так, понимание власти как определенного социального отношения не содержит в себе достаточно четкого критерия для отличия властных отношений (то есть власти) от всех других общественных отношений. Например, общим предметом политических отношений принято считать политическую власть. Иногда в качестве такого предмета рассматривается государственная власть. В данном случае не важно различие точек зрения по этому вопросу. Здесь важно подчеркнуть, что, конечно, политические отношения всегда в той или иной мере связаны с функционированием политической власти. Но возникает вопрос: если власть есть специфическое общественное отношение, то не будет ли понятие политической власти по своему объему совпадать с совокупностью всех политических отношений или их частью? В чем отличие политических отношений как власти от других политических отношений? При всем разнообразии определений, в которых власть понимается как социальное отношение, в них не дается четкого отличия отношений власти от иных общественных отношений [9].

Литература

1. Азовкин И.А. Демократический характер государственной власти в СССР и механизм ее осуществления // Советское государство и право. – 1968. – №9. – С. 13.
2. Байтин М.И. Государство и политическая власть. – Саратов, 1973. – С. 12.
3. Шевцов В.С. Государственный суверенитет и политическая организация советского общества. – М., 1971. – С.5.

4. Кейзеров Н.М. Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий. – М., 1973. – С. 66.
5. Семенова Т.Н. Государство и государственная власть в классово-антагонистическом обществе // Философские науки. – 1978. – №6. – С. 14-15.
6. Орлов Г.П. Политические категории исторического материализма // Типология социальных явлений. – Свердловск, 1982.
7. Куфтырев А.И. Политическая организация общества. – М., 1981. – С. 30.

8. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. – М., 2001.
9. Гобзов И.А. Философия политики. – М., 2002.

Никифоров Александр Анатольевич, аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета.
Nikiforov Aleksander Anatol'evich, post-graduate student of department of philosophy of Buryat State University.

УДК 091.17

Э.А. Николаев

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ И СЕКУЛЯРИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ

В статье рассматривается проблема секуляризации в условиях модернизации общества на протяжении определенного исторического промежутка в российской истории. Ключевым становится именно вопрос о социокультурных основаниях, которые могут быть поняты через расшифровку кодов религиозных догматов.

Ключевые слова: секуляризация, религиозное сознание, утилитаризм, циклы русской истории, аксиология.

E.A. Nikolaev

RELIGIOUS CONSCIOUSNESS AND PROCESSES OF SECULARIZATION IN RUSSIAN HISTORY

In the article the problem of secularization under condition of improvement of society during a certain historical horizon in Russian history is examined. It's the key question that becomes precisely a question about the sociocultural bases, which can be understood through the interpretation of the codes of religious dogmas.

Key words: secularization, religious consciousness, utilitarianism, cycles Russian history, axiology.

Безусловно, перед нами не стоит задача в рамках статьи полностью раскрыть проблему секуляризации в России на протяжении ее истории. Мы попытаемся лишь обозначить пунктирно те узловые моменты, которые дают наиболее яркое представление о характере секуляризационных процессов и их последствий. В то же время, с нашей точки зрения, сам процесс секуляризации не несет в себе явно отрицательного или положительного характера. Это своего рода проверка на прочность религиозного сознания народа.

Не имея возможности представить здесь обзор разнообразия мировоззрений, исторически появившихся в России, воспроизведем схему В. Рябушинского.

Середина и конец XVIII в. – вольнодумство, рационализм, вольтерьянство; середина и конец XIX в. – вольнодумство, материализм, социализм.

Конец XVIII в. и начало XIX в. – смутная религиозность масонов и мистиков; конец XIX в. начало XX в. – символизм, неоправославие.

20-30-е гг. XIX в. – возрождение православного чувства в барине; 20-30-е гг. XX в. – возрождение православного чувства в интеллигенте.

Данная схема характеризует изменение мировоззрения высших слоев общества и интеллигенции в дореволюционной России [1, с. 77]. Конечно, реальный исторический процесс был сложнее, многообразнее, но, по крайней мере, эта схема В. Рябушинского представляется более адекватным его отражением, чем попытки навязывания идеологических штампов [2, с. 35-37].

Очевидно, что в государстве, взявшем при Петре I курс на европеизацию страны, образованное русское общество следовало главным образом различным европейским идеям. Произошел отрыв от собственной исторической, культурной и религиозной основы. При этом происходило разрушение духовных основ старой национальной культуры. Какой-то промежуток времени характеризовался полным отсутствием более или менее ясным проявлением духовной культуры. А дальше шло встраивание в контекст европейской культуры, заключающееся в принятии и осмыслении тех философских и социальных идей, которые распространились в Европе. Европейская культура была взята дворянством как образец, а собственная оставлена нижним слоям общества. Но в определенный момент, во многом благодаря осмыслению философско-исторического материала той же европейской культуры, происходит возвращение в собственную культуру. Однако русская православная культура осмыслена с точки зрения пути, пройденного Европой, а с XIX в. и собственного исторического опыта. Европеизированная часть продолжала существовать в контексте европейской культуры, осваивая и развивая плоды ее интеллектуальной деятельности. Сначала дворянство и часть интеллигенции, затем средний слой общества и, наконец, рабочие и крестьяне проходят процесс европеизации. В силу того, что отброшенная отечественная культура была прежде всего православной, возвращение к русской культуре означало возвращение к православию. Как уже говорилось, этот процесс проходили